

Кронштадт

Эмма Гольдман

В феврале 1921 года рабочие нескольких петроградских заводов забастовали. Зима была исключительно тяжёлой, и жители столицы сильно страдали от холода, голода и истощения. Они требовали увеличения своих продовольственных пайков, а также топлива и одежды. Жалобы забастовщиков, игнорируемые властями, вскоре приняли политический характер. Здесь и там были также слышны требования созыва Учредительного собрания и свободы торговли. Предпринятая бастующими уличная демонстрация была подавлена вызванными правительством курсантами. Лиза Зорина, как было мне известно, остававшаяся ближе к народу чем все остальные коммунисты, присутствовала во время разгона этой демонстрации. Одна женщина была так возмущена жестокостью военных, что напала на Лизу. Последняя, оставаясь верной истинно пролетарским инстинктам, спасла женщину от ареста и проводила её домой. Там она обнаружила самые ужасные условия. В тёмной и сырой комнате, в страшном холоде жила рабочая семья с шестью полуголыми детьми. Впоследствии Лиза говорила мне: «Я чувствую боль от мысли, что жила в «Астории»». Позже она съехала оттуда.

Когда кронштадтские моряки узнали о происшедшем в Петрограде, они выразили свою солидарность с забастовщиками в их экономических и политических требованиях, но отвергли поддержку какого-либо призыва к Учредительному собранию. 1 марта, моряки организовали массовый митинг в Кронштадте, который также посетили председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (высшая руководящая должность Российской республики) Калинин, командующий Кронштадтской крепостью Кузьмин, и председатель Кронштадтского совета Васильев. Митинг, проводившийся с ведома Исполнительного комитета Кронштадтского совета, принял резолюцию, поддержанную моряками, гарнизоном и городским митингом в 16000 человек. Калинин, Кузьмин и Васильев выступили против резолюции, которая позже составила основу конфликта между Кронштадтом и правительством. Она выразила популярное требование советов, избранных свободным голосованием народа. Этот документ стоит того, чтобы привести его полностью, чтобы читатель мог составить справедливое мнение об истинном характере кронштадтских требований. Резолюция гласила:

«Выслушав доклад председателей команд, посылаем общим собранием команды с кораблей в г.Петроград для выяснения дел в Петрограде, постановили:

1. Ввиду того, что настоящие Советы не выражают волю рабочих и крестьян, немедленно сделать перевыборы Советов тайным голосованием, причем перед выборами провести свободную предварительную агитацию всех рабочих и крестьян.
2. Свободу слова и печати для рабочих и крестьян, анархистов и левых социалистических партий.
3. Свободу собраний и профессиональных союзов и крестьянских объединений.
4. Собрать не позднее 10 марта 1921 г. беспартийную конференцию рабочих, красноармейцев и матросов г. Петрограда, Кронштадта и Петроградской губ.
5. Освободить всех политических заключенных социалистических партий, а также всех рабочих и крестьян, красноармейцев и матросов, заключенных в связи с рабочими и крестьянскими движениями.
6. Выбрать комиссию для пересмотра дел заключенных в тюрьмах и концентрационных лагерях.
7. Упразднить всякие ПОЛИТОТДЕЛЫ, так как ни одна партия не может пользоваться привилегиями для пропаганды своих идей и получать от государства средства на эти цели. Вместо них должны быть учреждены с мест выбранные культурно-просветительные Комиссии, для которых средства должны отпускаться государством.
8. Немедленно снять все заградительные отряды.
9. Уравнять паек для всех трудящихся, за исключением вредных цехов.
10. Упразднить коммунистические боевые отряды во всех воинских частях, а также на фабриках и заводах разные дежурства со стороны коммунистов, а если таковые дежурства или отряды понадобятся, то можно назначить в воинских частях с рот, а на фабриках и заводах по усмотрению рабочих.
11. Дать полное право крестьянам над всею землею так, как им желательно, а также иметь скот, который содержать должен и управлять своими силами, то есть не пользоваться наемным трудом.
12. Просим все воинские части, а также товарищей военных курсантов присоединиться к нашей резолюции.
13. Требуем, чтобы все резолюции были широко оглашены печатью.
14. Назначить разъездное бюро для контроля.
15. Разрешить свободное кустарное производство собственным трудом».

Совет должен был собраться 4-го марта и было общее ощущение, что судьба Кронштадта решится на нём. Троцкий должен был выступить перед ним, и так как я никогда ещё не слышала его в России, я хотела попасть туда. Моё отношение к событиям в Кронштадте было неопределённым. Я не могла поверить, что большевики стали бы намеренно фабриковать историю о генерале Козловском, как лидере моряков. Собрание Совета, полагала я, поможет прояснить ситуацию.

Таврический дворец был переполнен, а сцену окружила специальная часть курсантов. Атмосфера была очень напряжённой. Все ждали Троцкого. Но когда наступили 10 часов и он не приехал, Зиновьев открыл собрание. Когда он проговорил пятнадцать минут, я была уверена, что он сам не верит в историю о Козловском. «Разумеется, Козловский стар и ничего не может, — сказал он, — но белые офицеры стоят за ним и ведут матросов». Все те дни советские газеты провозглашали генерала Козловского движущей силой «мятежа». Калинин, которому моряки позволили покинуть Кронштадт невредимым, бесился, как торговец рыбой. Он объявил моряков контрреволюционерами и призывал к их немедленному подавлению. Несколько других коммунистов выступили в том же духе. Когда собрание было открыто для дискуссии, взял слово рабочий из Петроградского Арсенала. Он выступал очень эмоционально и, игнорируя постоянные перебивания, бесстрашно провозгласил, что рабочих толкают на забастовку безразличие правительства к их жалобам; кронштадтские моряки, приравненные к контрреволюционерам, остались верны революции. Обращаясь к Зиновьеву, он заявил ему, что большевистские власти действуют по отношению к рабочим и морякам так, как правительство Керенского действовало по отношению к большевикам. «Тогда вас заклеили, как контрреволюционеров и германских агентов», сказал он; «мы, рабочие и матросы, защитили вас и помогли вам прийти к власти. Теперь вы обвиняете нас и призываете нападать на нас с оружием в руках. Помните, вы играете с огнём».

Тогда выступил матрос. Он сослался на славное революционное прошлое Кронштадта, призывая коммунистов не переходить к братоубийству, и прочитал кронштадтскую резолюцию, как свидетельство мирных намерений матросов. Но голос этих сынов народа не был услышан. Петросовет, увлечённый большевистской демагогией, принял резолюцию Зиновьева, призывающую Кронштадт сдать под угрозой уничтожения.

Кронштадтские моряки были всегда верными служителями революции. Они играли важную роль в революции 1905 года; они были в первых рядах и в 1917 году. При режиме Керенского они провозгласили Кронштадтскую коммуну и выступали против Учредительного собрания. Они были авангардом в Октябрьской революции. В великой борьбе против Юденича моряки обеспечили сильнейшую защиту Петрограду, и Троцкий хвалил их, как «гордость и красу революции». Теперь, несмотря на это, они рискнули поднять своё голос, протестуя против новых правителей России. Это было величайшее предательство с точки зрения большевиков. Кронштадтские моряки были обречены.

Петроград был пробуждён чрезмерным решением Совета; даже несколько коммунистов, в том числе из Французской секции, в равной степени были переполнены негодованием. Но никому из них не хватило смелости протестовать, даже в партийных кругах, против планируемой резни. Так же скоро, как стала известна резолюция

Петросовета, группа широко известных литературных деятелей Петрограда собрались, чтобы обсудить, нельзя ли что-либо сделать, чтобы предотвратить планируемое преступление. Кто-то посоветовал, что Горький подошёл бы, как глава комитета протеста против советских властей. Они надеялись, что он смог бы последовать примеру своего блистательного соотечественника Толстого, который в своих известных письмах к царю поднял свой голос против жестокой расправы над рабочими. Теперь такой же голос также был необходим, и Горького рассматривали, как настолько справедливого человека, чтобы призвать царей настоящего задуматься над своими делами. Горький был большевиком, говорили они. Он не сделал ничего. В нескольких предшествующих случаях он обращался с предложениями, но посредничество отвергали. Эта встреча не принесла результата. Теперь остались лишь несколько человек в Петрограде, которые не могли остаться безмолвными. Они отправили следующее письмо в Совет обороны:

«В Комитет Труда и Обороны Петрограда. Председателю Зиновьеву.

Сейчас хранить молчание невозможно и даже преступно. Произшедшие недавно события вынуждают нас, как анархистов, высказаться откровенно и определить четкую линию поведения перед лицом сложившейся ситуации.

Недовольство и обеспокоенность рабочих и матросов являются результатом фактов, требующих самого серьезного внимания. Недовольство породили голод и холод; отсутствие малейшей возможности спорить и критиковать вынуждают матросов и рабочих формально выдвинуть свои требования.

Белогвардейские банды захотят и смогут использовать это недовольство в своих собственных классовых интересах. Прячась за спинами матросов, они требуют созыва Учредительного Собрания, свободной торговли и других подобного рода уступок.

Мы, анархисты, уже давно разоблачили лживую сущность таких требований и во всеуслышание заявляем, что будем бороться с оружием в руках против любых происков контрреволюции вместе со всеми друзьями Социальной Революции, на стороне большевиков.

В том же, что касается конфликта советского правительства с рабочими и матросами, наше мнение таково: конфликт этот следовало бы разрешить не силой оружия, а путем заключения товарищеского революционного соглашения. Кровапролитие со стороны советского правительства в нынешней ситуации не только не запугает и не успокоит рабочих, но и, напротив, послужит лишь углублению кризиса и сыграет на руку Антанте и контрреволюции.

И, что самое важное, использование силы рабоче-крестьянским правительством против рабочих и крестьян вызовет пагубный резонанс в международном революционном движении. Это нанесет неисчислимый ущерб Социальной Революции.

Товарищи большевики, задумайтесь, пока не поздно! Вам предстоит сделать решающий шаг.

Мы предлагаем вам следующее: избрать комиссию из пяти человек, включающую анархистов. Эта комиссия отправится в Кронштадт, чтобы разрешить конфликт мирными средствами. В сложившейся ситуации такой шаг является наиболее радикальным. Он будет иметь международное революционное значение.

Подписано: Александр Беркман, Эмма Гольдман, Перкус, Петровский».

Но этот протест был проигнорирован.

7 марта Троцкий начал бомбардировку Кронштадта, и к 17-му крепость и город были взяты, после многочисленных приступов, повлёкших за собой ужасные человеческие жертвы. Так Кронштадт был «ликвидирован» и «контрреволюционный заговор» потоплен в крови. Для этого «покорения» города была характерна жестокая свирепость, несмотря на то, что ни один из коммунистов, арестованных в Кронштадте моряками не был ранен или убит. Даже перед штурмом крепости большевики бесцеремонно расстреляли многих солдат Красной армии, революционный дух и солидарность которых стали поводом к отказу от участия в кровавой расправе.

Несколькими днями после «славной победы» над Кронштадтом Ленин сказал на Десятом съезде Российской коммунистической партии: «Моряки не хотели контрреволюционеров, но они не желали и нас, других». И – ирония большевизма! – на этом самом съезде Ленин защищал свободную торговлю – более реакционный шаг, чем что-либо из того, что требовали кронштадтские матросы.

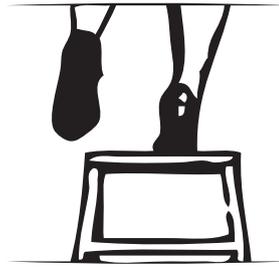
Между 1-м и 17-м марта несколько подразделений Петроградского гарнизона и все матросы порта были обезоружены и отправлены на Украину и Кавказ. Большевики боялись доверять им в кронштадтской ситуации: во-первых психологический момент – они имели общую проблему с Кронштадтом. Фактически, многие красные бойцы Красной горки и окрестных гарнизонов также симпатизировали Кронштадту и были принуждены силой оружия атаковать матросов. 17 марта коммунистическое правительство завершило свою победу над кронштадтским пролетариатом и 18 марта чествовало жертв Парижской коммуны. Было очевидно всем, кто был неммым свидетелем совершённого большевиками преступления, что преступление против Кронштадта было гораздо более чудовищным, чем резня коммунаров в 1871 г., так как это было совершено именем социальной революции, от имени социалистической республики. Историю нельзя обмануть. В анналах русской революции имена Троцкого, Зиновьева и Дыбенко будут присоединены к таким именам, как Тьер и Галифе.

Семнадцать ужасных дней, более ужасных, чем что угодно, что я узнала в России. Агонизирующие дни, потому что моя полная беспомощность перед лицом страшных вещей, происходивших на моих глазах. В то же самое время мне пришлось совершить визит к другу, который уже месяц является пациентом в госпитале. Я нашла его сильно измученным. Более того, раненых во время атаки на Кронштадт привозили в тот же госпиталь, в основном курсантов. Я имела возможность поговорить с одним из них. Его психологические мучения, говорил он, были ничем по сравнению с его душевной агонией. Слишком поздно он осознал, что он был одурачен криком о «контрреволюции». В Кронштадте были не царские генералы, не белогвардейцы – он нашёл только своих собственных товарищей, матросов и солдат, героически сражавшихся за революцию.

Пайки обычных пациентов в госпиталях были далеко не удовлетворительны, но раненые курсанты получали лучшие, а избранные члены коммунистического комитета были назначены охранять их отдых. Некоторые курсанты, и среди них человек, с которым я беседовала, отказались принять специальные привилегии. «Нам хотят заплатить за убийство», говорили они. Опасаясь, что исцелившиеся повлияют на пробуждение обманутых, руководство приказало поместить их в отдельную палату. «Коммунистическую палату», как её называли пациенты.

Кронштадт разорвал последнюю нить, которая связывала меня с большевиками. Бесмысленная бойня, которую они спровоцировали, говорила более красноречиво, чем что-либо иное. Каков бы ни было их притворство в прошлом, большевики теперь показали себя наиболее опасными врагами революции. Я не могу ничего поделать с ЭТИМ.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Эмма Гольдман
Кронштадт

Скопировано 2019-03-19 с <http://www.aitrus.info/node/5233>
Глава 27 из книги Э. Гольдман «Мои два года в России. Разочарование американской
анархистки и предательство Русской революции Советским Союзом Ленина»,
изданной в 1923-1924 гг. «Красными и черными издателями» в Санкт-Петербурге,
Флорида

Перевод: Д.И. Рублёв

ru.theanarchistlibrary.org